

Научная статья
УДК 37.012.1; 37.035
DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13106>

РЕФЛЕКСИЯ МЕТОДА: НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

М.Н. Кожевникова ✉

Российский государственный университет им. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ mkozhevnikova1@gmail.com

Аннотация. В статье предпринят анализ метода, понимаемого автором как «феноменологический подход», требуемый для научного исследования, в частности, философско-антропологического исследования образования, что затрагивает проблему исследовательского метода, в целом, и имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в особенности, для переосмысления «известного» (как в случае образования перед лицом дегуманизирующих цивилизационных трендов). Представленное исследование основывается на общефилософской методологии, прежде всего, феноменологическом и диалектическом подходах и исходит из материалов философско-антропологического исследования образования. Приведены результаты исследования, состоящие в том, что «феноменологический подход» проблематизируется и уточняется в соответствии со структурой исследовательского процесса: это предварительная фаза; собственно феноменологическая фаза; и постфеноменологическая фаза исследования. В рамках первой фазы выделяется проблема рефлексии тематизации феномена и на примере исследования образования в такой рефлексии обосновывается философско-антропологический характер исследования и тематизируется такой феномен, как «сущностная образованность». В рамках второй фазы вводится концепт «естественной феноменологии» и проясняется суть «феноменологического подхода», получившая свои формулировки еще у Гегеля и Гуссерля. На примере философско-антропологического исследования демонстрируется в этой фазе обнаружение слоев опыта человека, с их ключевыми феноменами (прафеномен «порядка», базовый феномен «субъектности» и пр.), что позволяет понять феномен образования как рост субъектности. В анализе постфеноменологической фазы поднята проблема невозможности феноменологического пуризма, в связи с чем в качестве ее решения предложено использование научной концептуальности как современной системы интерпретативных релевантностей для формирования требуемого языка и понятийного ряда.

Ключевые слова: метод, феноменологический подход, философско-антропологическое исследование, научные концепты, образование, сущностная образованность, субъектность.

Для цитирования: Кожевникова М.Н. Рефлексия метода: на примере исследования образования человека // Общество. Коммуникация. Образование. 2022. Т. 13. № 1. С. 57–69. DOI: 10.18721/JHSS.13106

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Scientific article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13106>

REFLECTION OF THE METHOD: CASE STUDY OF HUMAN EDUCATION

M.N. Kozhevnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

 mkozhevnikova1@gmail.com

Abstract. The article analyzes the method, understood by the author as a “phenomenological approach”, required for research, in particular, the philosophical and anthropological research of education. This is the problem of the research method in general, which has theoretical and also practical significance, to rethink the “known” (as in the case of education in the face of dehumanizing civilizational trends). The study is based on philosophical methodology, primarily phenomenological and dialectical approaches, and proceeds from the materials of the philosophical and anthropological research of education. The results presented are that the “phenomenological approach” is problematized and refined in accordance with the structure of the research process: this is a preliminary phase, proper phenomenological phase, and the post-phenomenological phase of the study. Within the framework of the first phase, the problem of reflection on the thematization of the phenomenon is singled out and, using the example of education, the philosophical and anthropological nature of the study is substantiated and such a phenomenon as “essential education” is thematized. Within the second phase, the concept of “natural phenomenology” is introduced and the essence of the “phenomenological approach” is clarified, which received its formulations from Hegel and Husserl. Using the example of philosophical and anthropological research, this phase demonstrates the discovery of layers of human experience, with their key phenomena (the primordial phenomenon of “order”, the basic phenomenon of “agency”, etc.), which makes it possible to understand the phenomenon of education as the growth of agency. In the analysis of the post-phenomenological phase, the problem of the impossibility of phenomenological purism was raised, and therefore, as its solution, the use of scientific conceptuality as a modern system of interpretive relevancies for the formation of the required language and conceptual series was proposed.

Keywords: method, phenomenological approach, philosophical anthropological research, scientific concepts, education, essential erudition, agency.

Citation: M.N. Kozhevnikova, Reflection of the method: case study of a human education, Society. Communication. Education, 13 (1) (2022) 57–69. DOI: 10.18721/JHSS.13106

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение. Проблема метода

«Образование», составляющее сегодня одну из наиболее актуальных тем в мире, обсуждается как известное, данное. Но в тех же рамках «известного» коренятся и проблемы, которые образование испытывает относительно встающих вызовов и которые само порождает, при видении его не как образования человека, но под влиянием дегуманизирующих трендов. Требуется переосмысление образования, то есть необходимо подойти к образованию как неизвестному, усматривая и осмысляя его феномены, и это подразумевает феноменологический подход. В связи тем, оказывается важным прояснить, что такое «феноменологический подход», требуемый в исследовании.

В целом, проблема метода всегда занимала значимое место в феноменологических работах, начиная от классиков феноменологии и до сегодняшнего дня (об этом можно судить по зарубежным обзорным публикациям [1, 2] и по публикациям российских авторов (прежде всего, А.Г. Чернякова, В.И. Молчанова, А.В. Ямпольской, а также Е.В. Борисова, В.А. Куренного, М. Маяцкого,

А.В. Михайлова, Н.В. Мотрошиловой, Л.Ю. Соколовой и др.) Отмечались такие особенности феноменологического метода, в общем, как саморепрезентативные подходы от первого лица; «расщепление субъекта исследования на феноменологического наблюдателя и конституирующее сознание», «интенциональность», «эффективность», «среда феноменализации» [3] и т.д.

Тем не менее, остается вопрос о возможности и необходимости применения феноменологического метода в исследованиях за рамками собственно феноменологии и его уместных границах («феноменологическом подходе»), в особенности, относительно образования человека.

Предпринимая исследование «феноменологического подхода», необходимого для философского антропологического исследования образования, уточню, что в трактовке феноменологии, в целом, я исхожу из Гегеля [4], определившего «измерение» феноменологии как таковое. Сам метод данного исследования я также понимаю как феноменологический.

Определяю круг задач в своем исследовании. Итак, сам метод предпринимаемого исследования следует взять за предмет осмысления, если он подразумевает не технику, складывающуюся из известных процедур, а путь обнаружения неизвестного в известном. Я задумываюсь, *как* проводить исследование, но оно всегда оказывается застигнутым в не-начальной стадии таким «начальным» вопросом о нем: оно уже состоится, и вопрошающему уму остается свидетельствовать о нем, а не задавать ему норму и правило. Признавая это, для прояснения метода я беру *то, что застигаю*. Я обнаруживаю, «что есть» (свой опыт) и также «что я хочу» — волевое начало (в его значении осмысленное авторами философии волюнтаризма). «Метод» же составляет то, что соединяет первое и второе: это путь, ведущий от имеющегося в наличности к желаемому — цели. И поскольку наличное (застигнутый опыт мышления и исследования) и желаемое составляют мое переживаемое, я уже в этом условно начальном моменте обладаю возможностью прояснения метода, исходя из своих очевидностей.

То, «чего я хочу», — это понимание предмета, то есть, в общем, определенность предмета для меня: ведь движение мышления к пониманию происходит как построение объяснительных схем, выстраивающих порядок из неупорядоченного сочетания данных. «Объяснительные схемы» — то, что мы производим в повседневности ежечасно ради определенности для ориентации в своих действиях. Эта трактовка цели мышления солидаризируется с философией прагматизма (Джеймса, Дьюи и др.), однако под «действиями» я буду подразумевать и внутренние психические действия, переходящие в действия в мире. А *философское мышление*, как я вижу, отличается тем, что я берусь осуществлять само мышление (построение объяснительных схем) как *вполне свое*, что означает, что я нуждаюсь и в собственных основаниях самого построения, почему мне требуется их перепроверять (сверяя с *другим/ Другим*) или устанавливать внове. Поскольку в предстоянии *другого* и «перед лицом Другого» (или возможного — внутреннего — Другого) я обосновываю собственное понимание, проясняется, что философское мышление должно иметь природу всеобщего.

Также нужда в *собственных* основаниях выявляет неудовлетворительность опоры на эмпирическое (предмет многих дискуссий [5]), то есть то сущее, которое не перешло в собственное мышление, равно как и неудовлетворительность опоры на само мышление, взятое наивно, без проблематизации и выявления его оснований. Это объясняет и характеристику философского мышления как поднятого до уровня «наиболее общих категорий и законов», и предъявляемое им к себе требование аподиктичности. Такие позиции философского мышления определяют его иное существование, отличное от существования других видов мышления (повседневного; научного; религиозного; поэтического; того, которое трактуется как «письмо» (Деррида), «разговор» — «вид перекрестного разговора, который может продолжаться бесконечно» [6], «дискурс» — парресиастический¹ рациональный дискурс [7, с. 217] и т.д.), и его особые отношения с существующим знанием: как знанием естественного сознания, так и знанием науки.

¹ Парресья — «искреннее высказывание истины», по Фуко.

Теперь, «собственная рефлексия содержания», которая должна характеризовать, в целом, метод «философской науки» [8, с. 4], подразумевает вместо наивного принятия содержания, как это делает естественное сознание, использование феноменологического подхода.

С таким подходом я рефлексирую о «застигнутом» мышлении, рассматривая его в текущей последовательности, с составляющими ее фазами, в особенностях и возможностях этих составляющих, — и так проясняю метод исследования.

Анализ. Структура исследования

Структура исследования. Предварительная фаза

Я вижу, что, подступаясь к новому предмету, каждый раз в первом шаге — тематизации (взятии предмета за свою тему размышления, исследования), я обнаруживаю себя в предварительной фазе еще-не-моего размышления и еще-не-моих словесных выражений, погруженной в понятия общего жизненного мира.

Чаще при подступе к исследованию этот шаг бывает неотрефлексирован: тогда я как бы сразу имею дело с тематизированным предметом, не обратив внимания на то, что уже в своей направленности на него воспользовалась тем или иным представлением или концепцией для принятия определенной позиции наблюдения, угла зрения, сферы рассмотрения. Здесь в анализе метода я выделяю эту фазу тематизации как предварительную.

Например, если это тематизация «образования», то она зависит от содержания понятия, сложившегося в культуре — в философских концепциях, в педагогической мысли: мы используем «доставшееся нам» понятие, понимаем его так или иначе, исходя из текстов разных авторов, интерпретирующих образование. Так, всякое исследование начинается со «знакомства с литературой по предмету». То есть в предварительной фазе я обретаю свой предмет по имеющимся о нем свидетельствам жизненного мира, и, в частности, «свидетельствам» соответствующей научной области. Анализируя и сравнивая их, я могу уточнить свой предмет для более строгой его тематизации в дальнейшем. Таким мы и знаем ход любого научного исследования. Результатом этой предварительной фазы в исследовании всегда должна стать своя выработанная ориентация в тематизации феномена. Верно и то, что, уже анализируя и сравнивая, я в активной позиции деятеля вношу свой личностный угол зрения.

В существующих определениях понятия образования для меня обнаруживаются фактологический, описательный подход, при котором обсуждается *образование*, и нормативный, аксиологический подход, трактующий *Образование*, исходящий из понимания должного. И, судя по многим примерам в истории образовательной мысли, образовательно-философская система, даже если начинает разворачивание своих позиций с определения *образования*, заканчивает определением *Образования*. Проделав анализ различных определений и интерпретаций «образования», я замечаю сформировавшиеся вокруг них основные концептуальные поля, которые обозначаю по их ключевым концептам.

Таковы концептуальные поля: «Познание» (которое в разных аспектах знания, истины, понимания, мышления утверждали Сократ, Платон, Цицерон, Блж. Августин, Я. Коменский, Р. Декарт, авторы аналитической философии, Р. Питерс, П. Хёрст, др.); «Добродетель» (в разных аспектах блага, нравственности, морального закона в собственной воле, автономии и т.д. утверждали Аристотель, древнеримская традиция, Дж. Локк, И. Кант, И. Фихте, И.Ф. Герbart, др.); «Жизнь» (в разных аспектах утверждали Сенека, Монтень, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсер, П.Ф. Каптерев, Дж. Дьюи, др.); «Человек» (в разных аспектах человеческого формирования; «выделявания»; саморазвития; становления тем, чем должен быть; «совокупного человеческого бытия»; актуализации; развития природы во внутреннем духовном росте утверждали Эразм Роттердамский, И.Г. Песталотци, Г.В. Ф. Гегель, В. Гумбольдт, Ф.М. Достоевский, М. Шелер, К. Роджерс, А. Маслоу; Г. Хорн, др.); «Социальность» (в разных аспектах обобществления опыта; адаптации;

коммуникации; «вразумления» посредством диалога утверждали Дж. Дьюи, Ж. Пиаже, М. Бубер, П. Фрейд, Н. Бурбулис, Г. Биста; Р. Рорти, др.), «Культура» (в разных аспектах трансляции культуры; «просвещения как выработки культурного самосознания; сохранения «связи и сути человеческого существования» утверждали С.И. Гессен, Г.П. Щедровицкий, В.М. Межуев, А.П. Огурцов, В.Д. Шадриков, американская школа консерватизма др.), «Свобода» (в разных аспектах, внешних и внутренних, утверждали Ален, Ж. Маритен, П. Фрейд, Г. Жиро, П. Макларен, Белл Хукс, др.).

Так в предварительной фазе исследования я обнаруживаю, что в концептуальных полях, акцентирующих разные аспекты образования, и в их соотношениях следует увидеть конфигурацию, присущую самому феномену образования. Осмысляя эти соотношения, я прихожу к выводу, что центр конфигурации составляет концепт «Человек» как связующее звено всех концептов: другие концептуальные поля представляют особые интерпретации, раскрывающие, *как* (в каких руслах, направлениях, в какой логике) происходит «о-человечивание» в образовании.

В результате предварительной фазы — на подступе к феномену образования исследование определяется как философско-антропологическое, направленное на понимание образования как феноменов человеческого существования.

Предварительная фаза — одна из нескольких фаз, складывающих обсуждаемую структуру исследования, и в каждой из них исследующий обращен к одному и тому же предмету, что объясняется «круговой структурой понимания», формирующей метод в герменевтическом аспекте².

Собственно феноменологическая фаза. «Естественная феноменология»

Однако не «образование»-концепт составляет волнующий меня предмет, но *само* образование. Феноменологическая фаза, разворачивающаяся дальше, состоит в усмотрении предмета мышления, при целенаправленном воздержании от имевшегося известного взгляда на него и от новой активной работы мышления над ним. И эта фаза неизбежна, — она неотъемлема от исследования, хотя бы она и не осознавалась. По существу, это значит существование «естественной феноменологии» — присутствующей в естественном мышлении, обращающемся к теоретическому исследованию: феноменологической фазы, которая бывает краткой или чрезвычайно краткой и не отождествляется естественным сознанием (в ретроспекции я могу распознать ее присутствие). В философской, научной феноменологии эта фаза культивируется.

Обоснование ее обязательности в том, что даже при освоении концептуального я всегда соотношу осваиваемое с *чем-то*. Само естественное сознание, которое различает «концепции» предмета и его «очевидность» («сам предмет»), поднимает вопрос о необходимости феноменологической фазы. И что происходит при сравнении концепций в предварительной фазе? Я соотношу собственные представления и представления Других с тем, что я «имею/ знаю в опыте» как очевидное. *Феноменологическая* фаза обращения к «собственному опыту» предмета и служит дверью, открывающей мне мир «собственного понимания»: и в философских, и в научных исследованиях, и в процессах естественного сознания. В исследовании эта фаза — территория «собственно-моего опыта», который должен переходить в «мой собственный дискурс».

Так я в исследовании обращаюсь к феноменам. Например, я беру темой феномен «образованности» как содержащийся в естественном сознании и обнаруживаю его проявления в контексте общения в неконцептуализированных представлениях. (Их ярко демонстрирует ситуация, сводимая к восклицанию: «А еще человек образованный!») Анализируя эти представления и ожидания, я распознаю интуитивно признаваемый феномен «сущностной образованности». Что касается феномена образования, который предварительно тематизирован как «образование человека» и

² О «круге понимания» Хайдеггер писал: «Всякое толкование, призванное доставить понятность, должно уже иметь толкуемое понятным. ... Научное доказательство не вправе иметь уже предпосылкой то, обосновать что его задача. ... однако толкование должно всякий раз уже двигаться в понятном (...) Видеть в этом круге порочный и высискывать пути его избежания, да даже просто «ощущать» его как неизбежное несовершенство, значит в принципе не понимать понимание» [9]. Гадамер же формулировал так: «Тот, кто хочет понять ..., постоянно осуществляет набрасывание смысла. (...) Пересмотр предварительного наброска может привести к новому набрасыванию смысла... именно это постоянно набрасывание-заново» [10, с. 318–319].

который требуется усмотреть феноменологически, его прояснение делается возможным после первоначального усмотрения феномена человека.

Теперь, в чем сущность феноменологической фазы? В обычных («естественных») процессах эта фаза не бывает замечена как таковая, поскольку не бывает замечено, что сознание обнаруживает феномены как свое содержание. Заметить, признать это — первая задача, которая была осмыслена, с распознаванием ее трудности, в феноменологии. Словами Гегеля: «Работа состоит теперь не столько в том, чтобы извлечь индивида из непосредственного чувственного способа и возвести его в мысленную и мыслящую субстанцию, сколько... в противоположном: путем снятия установившихся определенных мыслей. (...) Мысли становятся текучими, когда чистое мышление, эта внутренняя непосредственность, познает себя как момент, или когда чистая достоверность его самого абстрагируется от себя, — не отбрасывает себя, не устраняет себя, а отказывается от фиксированности своего самополагания» [8, с. 25].

Значение феноменологической фазы в том, что она открывает непосредственный опыт (хотя последний относится уже не как обычно, к чувственному) — *очевидность*. «Очевидное» естественного для сознания смыкается в значении с «объективным» — тем, что существует вне зависимости от того или иного сознания. Но очевидное не существует «где-то» в пространстве между обсуждающими, оно существует *для* меня (или для других Я), — это ближайшее ко мне установление: *то*, что я «не-посредственным» образом устанавливаю; что не требует больших оснований, чем есть, дабы для меня существовать. И эта непосредственность феноменологической фазы делается возможной для мышления только при позиции «воздержания», заставляющей его «освободиться от собственного вмешательства в имманентный ритм понятий, не вторгаться в него по произволу и с прежде приобретенной мудростью» [8, с. 36].

Для Гегеля феноменологический метод обнаруживает путь саморазвертывания понятия, диалектический по существу, движущийся через отрицания и переход к новой форме понятия, посредством чего естественно возникает «поступательное движение через полный ряд форм (Gestalten)» [4]. Таким образом это путь формообразований человеческого сознания, или души, познающего на опыте, *что* оно есть. Но, вместе с тем, рассматриваемая «суть дела» — это постижение предметов (в понятиях). В формулировках Гегеля уже выявлены и отрефлексированы смыслы, особенности феноменологического метода, со всеми его стадиями (хотя и не формализованными в терминах феноменологической, эйдетической и трансцендентальной редукции), и главные принципы: очевидность — основа научного метода; «являющееся знание» — источник становящегося постижения; единство понятия и его предмета (получившее у Гуссерля формулировку «сознания-о»). Благодаря этому методу у Гегеля произведено и систематическое установление форм сознания: чувственной достоверности, достоверности себя самого, Другого, и дальше — на уровнях разума и духа — вплоть до общественных, этических, религиозных, эстетических, научно-понятийных форм сознания.

Впрочем, и авторы постгуссерлианской феноменологии, начиная с Хайдеггера и до второго поколения французской феноменологии (по свидетельству Ямпольской), в своих преобразованиях гуссерлианского метода, переопределяли его границы и переосмыслили эйдетическую и трансцендентальную редукции и редукцию, в целом [3]. В целом же, как признают исследователи феноменологического движения, феноменологическая традиция состоит из многих подходов, имеющих некоторое родовое сходство, обнаруживаемое не во всех случаях, например, устремленность исследовать те условия, которые заставляют вещи являться таковыми [какими, мы полагаем, они являются] [11].

Сформулирую еще раз феноменологический подход, как я принимаю его в границах использования в феноменологической фазе исследования, — это заявленная Гегелем и разработанная у Гуссерля и других позиция исследования как базированного на обнаруживаемых в являющихся в сознании данных опыта, последовательно отличаемых от «естественных представлений»

(«естественной установки»), с дальнейшим вопрошанием об этих данных. На этом «пути сомнения», в результате, «естественное сознание... теряет свою истину» и оказывается «нереальным знанием» [4].

Данные, поднимаемые из очевидности феноменологическим методом (формализованным или неформализованным, или даже не распознанным как таковой — в фазе обращения исследующих к «собственному опыту») захватывают содержание разных областей и модусов опыта, позволяя в свете этого метода прояснить рассматриваемый опыт. У Гегеля это сфера развертывания понятий; у Гуссерля трансцендентальная конституция предметности сущего; у М. Мерло-Понти сфера дорефлексивного «*наивного контакта с миром*», телесность; у других может быть сфера представлений («верований», в терминах Пирса, Джемса); общий жизненный мир — как само естественное сознание, воплощенное в языке, как структуры интересубъективности и т.д.; сфера чувств и желаний (в исследованиях Кьеркегора, Фрейда, Лакана). И в данном исследовании опыт человека усматривается и проясняется не с точки зрения знания или бытия, как у Гегеля или Хайдеггера, но с точки зрения направленности (в рамках теории субъектности).

Феномен человека дан мне в очевидности в собственном опыте, но в силу его сложности, я начинаю с того, чтобы отождествить наиболее простой, первый слой в морфологии опыта: сам опыт «быть». Этой тематизации должен соответствовать предельно простой опыт, который требуется вычленивать как то досодержательное основание, которое делает все содержание возможным. Но во всех случаях опыта, включая версии «простейшего содержания», феномены обладают определенной степенью сложности.

«Простейшее» в феномене и понятии должно стать основанием для остального. Однако, более сложно или более просто устроен мой опыт, всегда есть его устройство. Много или мало элементов складывают феномен, есть то, что *складывается*. Само строение, конфигурация некоторых составляющих, сопряженных друг с другом, порядок обнаруживается во всем и всегда. В этом смысле это — простейшее, это — основание, предшествующее особенностям строения всех феноменов: «прафеномен».

Дальше при рассмотрении опыта проявляется как его базовый феномен движение, иначе направленность, составляя очевидность опыта «быть живым». Так я усматриваю феномен «субъектности»: неотъемлемое свойство живого «быть субъектом», проявляющееся как задание собственного направления, составляющего вектор изменения, движения, исходящий из самого субъекта как неисчерпаемого и принципиально неопределимого истока разворачивания.

Именно феномен субъектности, начиная от элементарного уровня, равно характерного для всего живого, достигает масштабов феномена человека, во всей его полноте, поэтому в опыте человека производится уточнение слоев опыта как уровней субъектности, с их ключевыми феноменами, с диалектическим отслеживанием их переходов, представляющих субъектность в ее развитии.

Развитие субъектности, распознанное как достижение человеческой зрелости, позволяет понять феномен образования как рост субъектности, иначе — как достижение состояния «человека взрослого».

Постфеноменологическая фаза исследования. Между «опытом» и «языком»

Эта фаза как траектория пролегает между «опытом» и «языком», связывая их. Здесь феноменологически усмотренное в «собственно-моем мышлении» должно обрести «собственно-мое выражение» в концептуализации. Именно здесь неминуемо происходит расхождение феноменологических направлений и школ: если и полагать, что захватываемый в феноменологической фазе «опыт» может быть «чистым» — свободным от субъективности, то в постфеноменологической фазе то, что было добыто как чистые «данные», «факты» сознания (если взять за аналогию проблематику логических позитивистов), подвергается субъективированию: интерпретации, объяснению, начиная с самого используемого языка.

Гегель из усмотрения возвращался в общий язык мышления — общефилософских понятий, дабы переоткрыть их в их становлении. Гуссерль, сосредоточенный на рефлексии метода, для ее выражения разрабатывал специализированный язык феноменологии, сопровождая каждый вводимый термин «переводом» его на общий язык, естественный или философский. Хайдеггер, выявляя в опыте бытие, обращался для его выражения к общему языку повседневности, выявляя глубинно запечатанные в нем общие содержания человеческого бытия. И, в целом, понятно, что эти особенности фазы выражения всегда вели и ведут к проработке (если словарь не меняется) или разработке, творению языка в философии как прямому следствию состоявшихся усмотрений феноменологической фазы.

Так, если поразмыслить, прояснится, что, при всей строгости феноменологического метода, феноменологический пуризм ни в какой версии не будет возможен. Выражение означает язык, а язык, будучи общим с Другими, имея концептуальную нагруженность, всегда несет и следы опыта, дополнительного к тому, который мы в данный момент тематизируем. Этот дополнительный опыт приходится учитывать в стадии выражения в интерпретационной составляющей и, значит, для очищения снова переуснаживать (сначала феноменально усматривать, а потом — опять-таки, выражать!), *ad infinitum*.

Признавая это, я формулирую тезис о значении в данном случае языка научной концептуальности, отражающего присутствующую в фоновом знании в естественном сознании систему интерпретативных релевантностей [12, с. 260]. Объясню, что я имею в виду.

«То, что видится». «То, что видится» (феномены, содержание сознания) нам сегодня в общем жизненном мире — это расширенная и все расширяющаяся за счет растущих научно-технических и информационных возможностей сфера. От «наблюдаемого» в общем смысле, как оно могло пониматься раньше, мы далеко продвинулись в направлении «наблюдаемого» в его научном смысле, охватывающем то, что, в принципе, может быть наблюдаемо, пусть при помощи инструментов³: во многом, теперь *это* — «наше наблюдаемое», что расширяет для нас не только эмпирические границы сущего, но и эпистемологические границы (как мы понимаем источники познания). Также мы принимаем и определенные научные концепции «в нагрузку» к новым интерпретативным релеванностям, приходящим, благодаря научно-техническим и информационным возможностям. И когда в выражении (или, точнее, в распознавании) увиденного требуется язык, это также оказывается не только естественный язык, но и язык научной концептуальности.

Горизонты научного знания. Разные сферы научного знания определяют наши пресуппозиции: говоря в целом, это «современная картина мира», формирующая горизонты общего жизненного мира, — та «реальность», которая имплицитно содержится и в актуальном переживании, и в языке.

И наши горизонты сформированы не только предметным содержанием научных сфер, но и их парадигмальными основаниями, которые сегодня достигают общности, выражающейся в транснаучных концепциях: в теории систем; кибернетике; синергетике, за которой многие признают роль научной парадигмы [13, 14]; теории игр. Это заметил еще Н. Гартман, заявивший: «После всех успехов науки старой онтологии больше быть не может. (...) Новая онтология (...) усматривает «строение» (то, что обычно называют объектами) и «процессы» не отдельно, а вместе. Все реально сущее находится в становлении (...); первичные динамичные образования от атомов вплоть до спирального тумана являются настолько же процессными, как и членными (*Gliedgefüge*) и оформленными (*Gestaltgefüge*) образованиями. В еще большей степени это имеет место относительно органических образований... действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самодеятельное воссоздание или даже самодеятельное превращение...» [15, с. 321]. По формулировке В.С. Стёпина, происходит

³ Само это различие наблюдаемого с точки зрения его онтологического статуса было замечено [17] и проблематизировано [18–22].

соединение «идей системного и эволюционного подходов», которые имеют статус «инвариантов в многообразии различных дисциплинарных онтологий» [16].

В соответствии с занятой позицией относительно концептуального языка выражения, когда в усмотрении я обнаруживаю конфигурацию составляющих, сопряженных друг с другом определенными связями, проникнутую отношениями различия и единства, я беру как выражающий усмотренный концепт «системы» и дальше рассматриваю этот слой опыта «быть человеком» как «уровень системы».

А в связи с усмотренным феноменом субъектности, видящимся как комплекс свойств: подвижности; задания собственного направления; изменения, исходящего из собственного истока разворачивания, должен быть использован концепт «организм».

Однако встают вопросы о соотношении философского исследования и научного исследования и о принципиальной возможности для философа обращаться за понятиями к концептуальной сфере науки.

Наука и философское исследование. Роль философии относительно науки традиционно понималась как фундамирующая научные понятия, благодаря своему вниманию к мышлению. По выражению Н. Гудмана, ученые могут «приходить к своим результатам, используя конструкцию платоновских классов или комплексные числа или... любые другие способы, но то, что они производят, становится сырьем для философской работы, задача которой состоит в том, чтобы разобраться во всем этом: прояснить, упростить, объяснить, истолковать в понятных терминах» [5].

С позиций современной психологии (а за ней и нейрофизиологии), эта роль философии была подвергнута сомнениям и потеснена, на фоне высокого престижа доказательной силы естественно-научных исследований, в целом, и, в частности, способности психологии устанавливать психологический «реальный процесс мышления» (в терминах Райхенбаха, противопоставлявшего этот процесс его «рациональной реконструкции»⁴, производимой философией и имеющей как описательный, так и нормативный характер [5, с. 299]). Куайн критиковал философию за малый прогресс в установлении достоверности утверждений относительно природного окружения и настаивал на том, что, если эпистемологические попытки рациональных реконструкций (в частности, Карнапа) не приносят преимуществ в установлении истины, — тогда почему бы «просто не посмотреть, как идет построение в реальности? Почему бы не согласиться на психологию», которая способна отслеживать стимуляцию сенсорных рецепторов, ведущую человека к построению картины мира [5], — ведь «лучше узнать, как на самом деле происходит развитие и исследование в науке, чем измышлять фиктивную структуру со схожим эффектом» [5].

Х. Сигэл, отвечая на это, подобно Райхенбаху, выявляет различие психологии и эпистемологии как относящееся к области оценки знаний, или «интерсубъективных утверждений, претендующих на знание», в которой эпистемолог определяет доказательную силу (научных) суждений, раскрывая те общие черты, которые формируют (научное) суждение должным образом [5, с. 319–320]. То есть, согласно этому (широко и многообразно представленному в философии науки) пониманию отношений философии и науки, последняя представляет скорее «сырье» или же частные случаи концептуализации, на основе которых философия вырабатывает общие принципы мышления, обретающие (как общие) нормативный статус.

Много шире трактовка научной концептуальности Селларса, заявлявшего, что «в аспекте описания и объяснения мира наука — это мера существования всего существующего и несуществования всего несуществующего» [23, §41]. В этой трактовке, наука («научные образы», научная концептуальность) не следует за наблюдаемой эмпирической реальностью («данными», или «манифестируемыми образами»), но предшествует ей и в пределах рамок общей языковой деятельности вносит «описания и объяснения», производящие картину эмпирической реальности

⁴ В определении Райхенбаха, это «построение мыслительных процессов так, как они должны происходить, если они должны быть расположены в последовательной системе; или обоснованных наборов операций» [5].

и ограничивающие для естественного сознания ее структуру (ту причинную связь, в которой мы живем) [24]. По Селларсу, поскольку язык не является фиксированной сущностью, работа науки состоит в методичном пересмотре и концептуальной переработке ресурсов, доступных для описания и объяснения, и требуется говорить, в целом, о «синоптическом видении», объединяющем картину эмпирической реальности, порожденную наукой, с «языком сообщества и индивидуальными интенциями» [25].

Разделяя позицию Селларса в трактовке научных концептов как языка и также исходя из проблематики, поднятой Райхенбахом, Куайном, Х. Сигэллом, изложу свое понимание. С точки зрения феноменологического подхода, необходимо учитывать значение тех внефилософских дискурсов и тематизаций, из которых питалась и питается по настоящее время в создании своего понятийного аппарата философия. И среди этих дискурсов особо плодотворными были научные области: лингвистика, история, право, математика, естественные науки. Выявление в качестве важнейшей части процесса научных исследований *феноменологической фазы*, которая связана с сомнением относительно известного и со способностью ума опереться на самого себя в продвижении к пониманию – этими известными атрибутами философствования, помогает увидеть, что «философская составляющая» («философская фаза») научных исследований и приносит в итоге те результаты, которые потом становятся предметом интереса философии к науке и которые трактуются как «сырье» или «образец» или равноправный «пример» научной концептуальности для философии. Но, в свете феноменологического понимания, можно сказать, что философия, черпая из науки, «возвращает свое».

Таким образом, с целью выражения беря в постфеноменологической фазе в качестве языка научные концепты (система, организм и пр.), я, хотя и вношу дополнительное содержание, предлагаемое наукой естественному языку в результате ее работы «описания и объяснения», беру концепты, состоявшиеся также вследствие усмотрения в феноменологической фазе исследований («естественной феноменологии»), и развиваю их как понятия.

В последовательности метода как реалистичный я вижу ход, образующий «петли»: от концептуализации в фазе предваряющей тематизации – к феноменологическому усмотрению, и от него – к выходу в постфеноменологическую фазу дискурса; с возвращением снова к перечисленным стадиям на следующем шаге, в связи с общим ходом исследования, требующим расширения зоны усматриваемого и ее уточнения, то есть углубления уровня усматриваемого; но, в особенности, в связи с неизбежной потребностью обеспечивать понятийную базу феноменологическим содержанием, ради чего требуется новая тематизация, выходящая на усмотрение.

Заключение

Итак, в результате проделанного анализа был проблематизирован метод философского исследования, рассмотренного в связи с проблемой исследовательского метода, в целом. Был обоснован и уточнен феноменологический подход как необходимая основа любого исследования, было определено его место в ряду стадий исследовательского процесса, в связи с чем был предложен концепт «естественная феноменология». В рамках постфеноменологической фазы как возможный ход в решении проблемы выражения обосновано обращение к научным концептам как порожденным в результате «естественной феноменологии».

Так, в приложении обоснованного и проясненного исследовательского метода к исследованию образования производится уточнение тематизации образования, вследствие чего исследование уточняется как философско-антропологическое. В феноменологической фазе оказывается возможным использовать неформализованный феноменологический метод для усмотрения феномена человека, начиная с феноменологического дескриптивного акта, который «приносит материал» для дальнейшей аналитики. При отождествлении первого слоя в морфологии опыта («простейшего содержания») я прихожу к определению «прафеномена», предшествующего всем

особенным по своему строению феноменам, как «системы», пользуясь в постфеноменологической фазе обращением к научному концепту. Следующим проявляется как базовый в опыте феномен «субъектности», и с ним связывается концепт «организма». Исходя из этих оснований, делается понятным феномен образования как рост субъектности и как достижение состояния «человека взрослого».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Smith D.W.** Phenomenology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2018 Edition / Ed. E.N. Zalta URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/phenomenology/> (дата обращения: 23.06.2021).
2. The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology / Ed. D. Zahavi. Oxford and New York: Oxford University Press, 2021.
3. **Ямпольская А.В.** Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: автореф. дисс. доктора философских наук. 495 с. М.: РГГУ, 2013. 47 с.
4. **Гегель Г.В.Ф.** Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
5. **Siegel H.** Justification, Discovery and the Naturalizing of Epistemology // Philosophy of Science. 1980. No. 47 (2). Pp. 297–321. DOI: 10.1086/288934
6. **Rorty R.** Philosophy as a Kind of Writing: An Essay on Derrida in New Literary History // Literary Hermeneutics. 1978. No. 10 (1). Pp. 141–160.
7. **Фуко М.** Дискурс и истина // Логос. 2008. № 65. С. 159–262.
8. **Гегель Г.В.Ф.** Наука логики. М.: Соцэкгиз, 1937. 714 с.
9. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php (Дата обращения: 26.09.2020)
10. **Гадамер Х.-Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
11. **Ihde D.** If Phenomenology is an Albatross, Is Post-phenomenology possible? // Chasing Technoscience: Matrix for Materiality / Eds. Don Ihde and Evan Selinger. Indianapolis: Indiana University Press, 2003. Pp. 15–26.
12. **Sachs C.B.** Intentionality and the Myths of the Given. London: Pickering and Chatto, 2014.
13. **Лавриненко В.Н.** Концепции современного естествознания: Учеб. для студентов вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. М.: Культура и спорт ЮНИТИ, 1997. 271 с.
14. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / Отв. ред. В.И. Аршинов и др. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 536 с.
15. **Гартман Н.** Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 320–324
16. **Стёпин В.С.** Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321> (Дата обращения: 26.09.2020)
17. **Shapere D.** The Concept of Observation in Science and Philosophy // Philosophy of Science. 1982. №49 (4). Pp. 485–525. DOI: 10.1086/289075
18. **Churchland P.M.** The Ontological Status of Observables: In Praise of the Superempirical Virtues // Images of Science / Eds. P. M. Churchland, C. A. Hooker. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Pp. 35–47.
19. **Dicken P., Lipton P.** What can Bas Believe? Musgrave and van Fraassen on Observability // Analysis. 2006. Vol. 66 (291). Pp. 226–233. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2006.00619.x
20. **Maxwell G.** On the Ontological Status of Theoretical Entities // Scientific Explanation, Space, and Time / Eds. H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. Pp. 3–26.
21. **Muller F.A.** The Deep Black Sea: Observability and Modality Afloat // British Journal for the Philosophy of Science. 2005. No. 56 (1). Pp. 61–99. DOI: 10.1093/phisci/axi103
22. **Muller F.A.** Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability? // Philosophy of Science. 2004. №71 (4). Pp. 637–654. DOI: 10.1086/426556
23. **Sellars W.** Empiricism and the Philosophy of Mind. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963.

24. **Triplett T.** Sellars's Misconstrual of the Defenders of the Given // *History of Philosophy Quarterly*. 2014. No. 31. Pp. 79–99.

25. **Shapiro L.** Sellars on the Function of Semantic Vocabulary // *British Journal for the History of Philosophy*. 2014. No. 22 (4). Pp. 792–811. DOI: 10.1080/09608788.2014.961404

REFERENCES

[1] **D.W. Smith**, Phenomenology, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018 Edition, Ed. E.N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/phenomenology/> (accessed: 23.06.2021).

[2] *The Oxford Handbook on Contemporary Phenomenology*, Ed. D. Zahavi. Oxford and New York: Oxford University Press, 2021.

[3] **A.V. Yampolskaya**, Fenomenologicheskii metod i yego granitsy: ot nemetskoy k frantsuzskoy fenomenologii [Phenomenological method and its boundaries: from German to French phenomenology]: avtoref. diss. doktora filosofskikh nauk, Moscow: RGGU, 2013.

[4] **G.W.F. Hegel**, Fenomenologiya duha [The phenomenology of the spirit]. Moscow: Nauka. 2000.

[5] **H. Siegel**, Justification, Discovery and the Naturalizing of Epistemology, *Philosophy of Science*. 47 (2) (1980) 297–321. DOI: 10.1086/288934

[6] **R. Rorty**, Philosophy as a Kind of Writing: An Essay on Derrida in New Literary History, *Literary Hermeneutics*. 10 (1) (1978) 141–160.

[7] **M. Foucault**, Diskurs i istina [Discourse and Truth], *Logos*. 65 (2008) 159–262.

[8] **G.W.F. Hegel**, Nauka logiki [Science of Logic]. Moscow: Sotsekgiz. 1937.

[9] **M. Heidegger**, Being and time [Bytie i vremia]. Moscow: Ad Marginem. 1997. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/08.php, (accessed: 7.02.2020).

[10] **H.-G. Gadamer**, Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method. Foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988.

[11] **D. Ihde**, If Phenomenology is an Albatross, Is Post-phenomenology possible? Chasing Technoscience: Matrix for Materiality, Eds. Don Ihde and Evan Selinger. Indianapolis: Indiana University Press, 2003. Pp. 15–26.

[12] **C.B. Sachs**, Intentionality and the Myths of the Given. London: Pickering and Chatto, 2014.

[13] **V.N. Lavrinenko**, Kontseptsii sovremennogo yestestvoznaniya: Ucheb. dlya studentov vuzov [Concepts of modern natural science: Textbook. for university students], Ed. prof. V.N. Lavrinenko, prof. V.P. Ratnikova. Moscow: Kul'tura i sport YUNITI, 1997.

[14] Sinergeticheskaya paradigma: mnogoobraziye poiskov i podkhodov [Synergetic paradigm: diversity of searches and approaches], Otv. ed. Arshinov et al. Moscow: Progress-Tradition. 2000.

[15] **N. Hartman**, Staraya i novaya ontologiya [Old and New Ontology], *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 320–324.

[16] **V.S. Stepin**, Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. Moscow: 2006. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5321>, (accessed: 7.02.2020).

[17] **D. Shapere**, The Concept of Observation in Science and Philosophy, *Philosophy of Science*. 49 (4) (1982) 485–525. DOI: 10.1086/289075

[18] **P.M. Churchland**, The Ontological Status of Observables: In Praise of the Superempirical Virtues, *Images of Science*, Eds. P.M. Churchland, C.A. Hooker. Chicago: University of Chicago Press, 1985. Pp. 35–47.

[19] **P. Dicken, P. Lipton**, What can Bas Believe? Musgrave and van Fraassen on Observability, *Analysis*. 66 (291) (2006) 226–233. DOI: 10.1111/j.1467-8284.2006.00619.x

[20] **G. Maxwell**, On the Ontological Status of Theoretical Entities, *Scientific Explanation, Space, and Time*, Eds. H. Feigl, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. Pp. 3–26.

[21] **F.A. Muller**, The Deep Black Sea: Observability and Modality Afloat, *British Journal for the Philosophy of Science*, 56 (1) 2005) 61–99. DOI: 10.1093/phisci/axi103

[22] **F.A. Muller**, Can a Constructive Empiricist Adopt the Concept of Observability? *Philosophy of Science*. 71 (4) (2004) 637–654. DOI: 10.1086/426556

[23] **W. Sellars**, *Empiricism and the Philosophy of Mind*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1963.

[24] T. Triplett, Sellars's Misconstrual of the Defenders of the Given, *History of Philosophy Quarterly*, 31 (2014) 79–99.

[25] L. Shapiro, Sellars on the Function of Semantic Vocabulary, *British Journal for the History of Philosophy*, 22 (4) (2014) 792–811. DOI: 10.1080/09608788.2014.961404

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Кожевникова Маргарита Николаевна

Kozhevnikova Margarita N.

E-mail: mkozhevnikova1@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9093-4936>

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 18.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.